

Едва вспомнив, как этот парень стал причиной её падения и опоздания, Бай Сяоси тут же почувствовала прилив гнева. Хм, даже извиниться не удосужился, а ещё заставил того доброго парня разгребать его бардак. Неудивительно, что его характер просто отвратителен.

Если бы не опоздание и не искренние извинения того молодого человека, она бы ни за что не простила его!

Бай Сяоси злилась, но вскоре её внимание переключилось на мужчину средних лет, выступающего с речью.

С таким трудом поступив в этот университет, она должна была доказать самой себе и своей маме, что способна на большее. Именно поэтому она должна была внимательно слушать преподавателей.

Бай Сяоси успокоилась, но тут услышала, как мужчина произнёс:

— Спасибо всем, спасибо!

Затем в зале раздались редкие аплодисменты.

Ей стало неловко, и она пожалела, что не проверила сегодняшний день в календаре — сегодня явно не её день.

Мужчина сошёл со сцены, и на его место поднялась прекрасная женщина с микрофоном. На ней было длинное платье цвета сапфира, чёрные волосы были собраны в высокую причёску, а на шее сияла нитка жемчуга. Её уши украшали две круглые белые жемчужины.

Эта женщина воплощала собой идеал элегантности, и даже Бай Сяоси, будучи женщиной, не могла не восхититься её видом.

Она слегка поклонилась, поднесла микрофон к губам и с улыбкой сказала:

— Ещё раз благодарим нашего декана за вдохновляющую речь. А теперь позвольте представить председателя студенческого совета, Мужун Цзю, который выступит с приветственной речью для новичков!

С этими словами она спустилась со сцены.

Теперь Бай Сяоси поняла, что эта женщина была ведущей церемонии.

Услышав её слова, Бай Сяоси выпрямилась. Вступление в студенческий совет было одной из её целей на университетскую жизнь, а значит, председатель совета был её главным боссом.

С нетерпением ожидая выступления, она заметила, как атмосфера в зале резко изменилась. Казалось, все только что спали, а теперь внезапно проснулись. Все вокруг шептались, и Бай Сяоси почувствовала, как её уши наполнились жужжанием.

— Председатель выступает, проснитесь!

— Это сам Господин Цзю? Где он?

Бай Сяоси, услышав разговор двух девушек справа от себя, не смогла сдержать улыбки. Неужели председатель студенческого совета настолько харизматичен? И что за «Господин Цзю»? Неужели его родители назвали его так из-за числа детей?

Мужун Цзю стоял под светом прожекторов, на его лице застыла идеальная, словно маска, улыбка. Он говорил легко и уверенно, приветствуя новичков, напоминая о правилах университета и давая советы по планированию студенческой жизни, призывая всех учиться и стремиться к лучшему.

Он смотрел сверху вниз на море голов, которые из-за расстояния и света казались размытыми, словно покрытыми пикселями. Он вдруг почувствовал, что эта сцена абсурдна и пугающа.

Он также осознал, что всё, что он делает, лишено смысла. Будь то как председатель студенческого совета или как глава семьи Мужун, он чувствовал пустоту.

Он не знал, почему получил эту удивительную возможность прожить жизнь заново, и не знал, как долго сможет продержаться. Он знал, что Шао Цихань наверняка считает его странным, ведь он и вправду изменился — стал избегать общения с ним, в его сердце поселилась злоба.

В последние дни своей прошлой жизни он ненавидел себя за то, что не смог отпустить и просто пожелать счастья, за то, что совершил ужасные поступки по отношению к Сяоси, за то, что сошёл с ума и дошёл до края. Но он также злился на Шао Циханя, который, зная его чувства, всё же влюбился в Сяоси, зная, что он действовал против своей воли, но всё равно ненавидел его до глубины души, зная, что семья Мужун уже была на грани краха, но продолжал давить, пока не добил её.

Мужун Цзю мог понять Шао Циханя, но часто «понимание» ничего не значило. Понимание, но всё равно злость.

Мужун Цзю также знал, что стоящий перед ним Шао Цихань ничего не знает и ничего не пережил, он был просто его другом.

Шао Цихань не был виноват, и, возможно, Мужун Цзю стоило притвориться, что ничего не произошло. Но как бы он ни старался, он не мог обмануть себя.

Словно он стоял на этой роскошной сцене, получая похвалы и восхищение от преподавателей и

студентов, но не мог сказать себе, что наслаждается этим. Он начал ненавидеть фальшивого себя, а также себя, который не мог простить Шао Циханя.

Но что он мог поделаться? Эта маска приросла к его лицу.

Мужун Цзю с улыбкой поклонился и сошёл со сцены. Он быстро вышел из-под света прожекторов и, только оказавшись в тени за кулисами, почувствовал, как напряжение в желудке немного ослабло. Он горько усмехнулся про себя, погладил живот и, убедившись, что всё в порядке, направился в комнату отдыха.

Когда он вошёл туда, его встретили аплодисментами. Мужун Цзю поднял руку, призывая своих подчинённых к тишине.

— Спасибо всем, — коротко поблагодарил он и перешёл к делу:

— Раз начался новый семестр, мы должны быстро вернуться к работе.

Он оглядел комнату, увидев, что все главы отделов на месте, и продолжил:

— Сообщите всем, что сегодня вечером соберёмся на собрание. Спасибо за сегодня, можете расходиться.

Услышав это, члены студенческого совета начали покидать комнату, а Мужун Цзю собрался уходить, взяв свои записи.

Но тут его остановила девушка с ярким макияжем.

— Мужун, — с улыбкой произнесла она, подняв бумажный пакет и приближаясь. — Так торопишься уйти?

Мужун Цзю увидел её и тоже улыбнулся.

— Су Хуай, что привело тебя сюда?

Су Хуай сунула пакет в руки Мужун Цзю и, увидев его удивление, рассмеялась, прикрывая рот рукой.

— Это Цихань попросил передать тебе. Он только что за кулисами с мрачным лицом подошёл ко мне, я уж думала, кто-то его снова разозлил.

Мужун Цзю замешкался, открыл пакет и увидел внутри изящно сделанную коробку с едой.

Су Хуай заглянула внутрь и снова засмеялась.

— Цихань так заботится о тебе, я даже немного завидую. Ах, это шутка.

Мужун Цзю, видя, как Су Хуай смеётся, покачиваясь, покачал головой и открыл коробку. Внутри была миска рисовой каши с курицей и грибами, а также четыре булочки с крабовым мясом, от которых шёл ароматный пар.

Шао Цихань знал, что у него проблемы с желудком...

Они дружили более десяти лет, и Мужун Цзю прекрасно знал его характер. Шао Цихань был человеком гордым, но у него были на то основания.

Он помнил, как однажды какие-то девушки сравнивали их, и тогда он лишь посмеялся над сплетнями, но Шао Цихань разозлился и устроил этим девушкам настоящий ад.

Хотя те слова были преувеличены, одна фраза Мужун Цзю казалась верной: «Если Господин Цзю — это сияющий и благородный лунный свет, то Господин Хань — это ослепительное и яркое солнце».

Он не знал, был ли он луной, но знал, что Шао Цихань был как солнце.

Такой гордый и выдающийся человек, естественно, не стал бы унижаться, чтобы заботиться о ком-то. Но, глядя на этот горячий завтрак, он понял, что ошибался.

Если Шао Цихань хотел, он мог сделать всё ради человека, как он делал это в прошлой жизни ради Бай Сяоси.

Проиграть такому человеку было не стыдно.

Мужун Цзю покачал головой и, глядя на Су Хуай, сказал:

— Хочешь попробовать? Ты ведь тоже проголодалась после церемонии.

Су Хуай кивнула и, не церемонясь, взяла одну булочку, съев её за два укуса.

Мужун Цзю наблюдал, как эта небольшая, но и не маленькая булочка исчезала в её рту, восхищаясь её манерами.

Су Хуай, несомненно, была настоящей леди — даже съедая булочку, она не испачкала макияж.

<http://bllate.org/book/15114/1335638>